

✓
Корней
ЧУКОВСКИЙ

ПРИЗНАНИЯ СТАРОГО СКАЗОЧНИКА

Впервые публикуемая «Литературной Россией» статья Корнея Ивановича Чуковского «Признания старого сказочника» — его последняя работа, написанная осенью 1969 года. Состоит она из трех глав, причем третья глава из-за предсмертной болезни автора не была им завершена и он даже не успел придумать ей названия.

Статья интересна прежде всего глубоким проникновением Чуковского в детскую психологию. Какое влияние оказывает на ребенка сказочное слово, почему опасна ложь в произведениях для детей, какой вред — и почему именно — приносят воспитанию малышей печальные концовки или вымученные, анемичные, мертворожденные, идущие не от сердца, а от головы строчки — эти и многие другие вопросы в центре внимания писателя. Корней Иванович вводит читателя в лабораторию собственного творчества, рассказывает, почему он решительно отвергал те или иные, на первый взгляд, кажущиеся удачными варианты строф своих сказок и песен, заменял их другими, и это весьма поучительно как для писателей, так и для родителей.

Печатаемая «Признания старого сказочника», еженедельник «Литературная Россия» выражает надежду, что эта статья будет способствовать дальнейшей разработке проблем, стоящих перед советской детской литературой.

I. Как была написана «Муха-Цокотуха»

1.

Прошлым летом я сочинил для моей правнучки, трехлетней Марины, сказку, которая начинается так:

Бабушка к буфету,
А жаркого нету!
«Что ж это такое!
Где мое жаркое!»

Марина ничего не сказала, ушла к своим куклам, но вскоре я услышал, как она поет им мою сказку:

Бабушка к буфету,
А жаркое есть.

Очевидно, мое нету не понравилось ей, и она преобразила его в есть.

Для ребенка отвратительны сказки и песни с печальным концом. Живая иллюзией вечного праздника, дети упрямо заменяют печальные концовки наших сказок и песен — благополучными, радостными.

Существует невеселая старинная песня о мужике, потерявшем дугу:

Поискал и не нашел,
Он заплакал и пошел.

Услышав эту песню, Коля Черноус, трех с половиною лет, напустился, весь покраснел, заткнул уши и убежал на балкон. Через минуту он вернулся оттуда веселый и, как бы издеваясь над нами, запел:

Поискал и нашел,
Засмеялся и пошел.

Заплакал превратилось в засмеялся. Ибо малые дети не терпят, чтобы в тех сведениях о жизни, какие дают им литература, театр и живопись, был хоть намек на окончательную победу несчастья и зла.

Сколько я знаю детей, которые на театральные спектаклях крепко закрывают глаза, чуть только с каким-нибудь любимым героем случится хоть на минуту беда.

В обиходе английских детей есть знаменитая песенка с печальным концом: к какой-то девушке подлетела ворона и начисто откусила ей нос (snapped off her nose). Можно не сомневаться, что английские дети в течение веков жаждали другой, менее мрачной, концовки. Угождая их неосознанным инстинктивным желаниям, кто-то (уже в XIX веке) присочинил к этой горестной песне утешительные строки о том, будто к искалеченной девушке позвали королевского врача, и он так искусно пришил ей откушенный нос, что несчастная опять стала счастливой. После чего дети вполне примирились с отвергнутой песней и перестали чуждаться ее!

Это понятно. Ведь счастье для малых

¹ Речь идет о народной песне Sing a Song of Sixpence, которая, по словам английских фольклористов Айоны и Питера Опи, была зарегистрирована в печати около 1744 года. Строфа о враче, излечившем безносую девушку, была сочинена около 1866 года. Рендольф Колдекотт в 1880 году дал другую, более лаконичную, концовку: «Прилетела пташка Джесси Рен (Wren — крапивник) и приклеила его».

детей — норма жизни, естественное состояние души, еще не знающей ни об угрозе неминуемой смерти, ни о мучительных тяготах и томлениях жизни. В возрасте «от двух до пяти» они — самое счастливое племя из всех, какие живут на земле.

Спрашивается: где же серьезным и безрадостным взрослым, «измученным жизнью, коварством надежды», соваться в безоблачно-солнечное царство детей?

Подделаться под ребенка нетрудно, да ведь подделка легко обнаружится — и дети отпрянут от нее, как от фальши. Сколько ни вымучивай из себя бойких и мажорных стишков, их бравурность будет чисто механической, и они никогда не дойдут до трехлетних-пятилетних сердец. Когда-то в своей книге «От двух до пяти» я опубликовал заповеди для детских поэтов, но только теперь догадался, что ко всем этим заповедям следует прибавить еще одну, — может быть, самую главную: писатель для малых детей непременно должен быть счастлив. Счастлив, как и те, для кого он творит. Таким счастливцем порою ощущал се-

Почему многие, приближаясь ко мне, зажигают в крови моей солнцем! Почему, когда они покидают меня, флаги моей радости никнут!

Но в тот блаженный и вечно памятный день флаги моей радости нисколько не никли, а, напротив, развевались с каждым шагом все шире, и, чувствуя себя человеком, который может творить чудеса, я не взбежал, а взлетел, как на крыльях, в нашу пустую квартиру на Кировой (семья моя еще не переехала с дачи) и, схватив какой-то запыленный бумажный клочок и с трудом отыскав карандаш, стал набрасывать строка за строкой (неожиданно для себя самого) веселую поэму о мухиной свадьбе, причем чувствовал себя на этой свадьбе женихом.

Поэму я задумал давно, и раз десять принимался за нее, но больше двух строчек не мог сочинить. Выходили вымученные, анемичные, мертворожденные строки, идущие от головы, но не от сердца. А теперь я исписал без малейших усилий весь листок с двух сторон и, не найдя в комнате чистой бумаги,

боя я, когда мне случалось писать стихотворные детские сказки.

2.

Конечно, я не могу похвалиться, что счастье — доминанта моей жизни. Бывали и утраты, и обиды, и беды. Но у меня с юности было — да и сейчас остается — одно драгоценное свойство: назло всем передрягам и дрязгам, вдруг ни с того ни с сего, без всякой видимой причины, почувствуешь сильнейший прилив какого-то сумасшедшего счастья. Особенно в такие периоды, когда надлежало бы хныкать и жаловаться, — вдруг вскакиваешь с постели с таким безумным ощущением радости, словно ты пятилетний мальчишка, которому подарили свисток.

Не знаю, бывали ли у вас такие беспричинные приливы веселья, а я без них, кажется, пропал бы совсем в иные наиболее тоскливые периоды жизни. Идешь по улице и, бессмысленно радуясь всему, что ты видишь: вывескам, трамваям, воробьям, — готов расцеловаться с каждым встречным, и твердишь из своего любимого Уитмена:

Отныне я не требую счастья,
Я сам свое счастье.

Один такой день мне запомнился особенно ясно, — 29 августа 1923 года, — душный день в раскаленном, как печь, Петрограде, когда я внезапно на Невском пережил наитие этого необыкновенного чувства и так обрадовался самому факту своего бытия на земле, что готов был выкрикивать вслух строки из того же поэта:

сорвал в коридоре большую полосу отставших обоев и с тем же чувством бездумного счастья писал безоглядно строку за строкой, словно под чью-то диктовку.

Когда же в моей сказке дело дошло до изображения танцев, я, стыдно сказать, вскочил с места и стал носиться по коридору из комнаты в кухню, чувствуя большое неудобство, так как трудно и танцевать и писать одновременно.

Очень удивился бы тот, кто, войдя в мою квартиру, увидел бы меня, отца семейства, 42-летнего, седоватого, обремененного многолетним поденным трудом, как я ношусь по квартире в дикой шаманской пляске и выкрикиваю звонкие слова, и записываю их на корявой и пыльной полоске содранных со стенки обоев.

В этой сказке два праздника: именины и свадьба. Я всею душою отпраздновал оба. Но чуть только исписал всю бумагу и сочинил последние слова своей сказки, беспмятство счастья мгновенно ушло от меня, и я превратился в безмерно усталого и очень голодного дачного мужа, приехавшего в город для мелких и тягостных дел.

Вряд ли я тогда понимал, что эти внезапные приливы бездумного счастья есть в сущности возвращение в детство. Горе тому детскому писателю, кто не умеет хоть на время расстаться со своей взрослостью, выплеснуться из нее, из ее забот и досад, и превратиться в сверстника тех малышей, к кому он адресуется со своими стихами.

Эти возвращения в детство чаще всего были сопряжены у меня с таким редким и странным душевным подъе-

Иллюстрация В. КОНАШЕВИЧА к сказке К. ЧУКОВСКОГО «Муха-Цокотуха».

мом, который я дерзну обозначить устарелым словом **вдохновение**.

Теперь это слово не в чести. Литературоведы и критики давно уже изгнали его из своего словаря. Вдохновение объявлено чуть ли не мифом, придуманным лукавыми поэтами ради того, чтобы возвеличить свой цех.

Между тем, я на собственном опыте убедился, что оно существует. Вдруг ни с того ни с сего все мои писательские интересы и навыки отлетают от меня ко всем чертям, я испытываю сердцебиение ребяческой радости, которая сильнее меня самого, и тороплюсь без оглядки записать «Бармалея», или «Путаницу», или сказку о том,

Как у наших у ворот
Чудо-дерево растет.
Чудо, чудо, чудо, чудо
Расчудесное!

Не листочки на нем,
Не цветочки на нем,
А чулки да башмаки,
Словно яблоки!

Вот почему, когда я на старости лет перелистываю мои давние сказки, иные из них представляются мне древними памятниками тех приливов внезапного детского счастья, которыми они рождены.

Впрочем, по мнению моих близких друзей, у меня в характере вообще очень много ребяческого. Когда мне исполнилось 75 лет (о, как давно это было!), Маршак обратился ко мне с задум-

шевным посланием, которое кончалось такими словами:

Пусть пригласительный билет
Тебе начислил много лет,
Но, поздравляя с годовщиной,
Не семь десятков с половиной
Тебе я дал бы, друг старинный,
Могу я дать тебе — прости! —
От двух, примерно, до пяти...
Итак, будь счастлив и расти!..

Это остроумно, но, к сожалению, неверно. Если бы детская психика была моим всегдашним достоянием, я написал бы не десять сказок, а по крайней мере сто или двести. Увы, приливы ребяческой радости бывают в человеческой жизни нечасто и длятся они очень недолго. Да и возможно ли полагаться на взлет вдохновения? В сущности, «Муха-Цокотуха» — единственная моя сказка, которую от первой строки до последней я написал сгоряча, в один день, без оглядки, по внушению нахлынувших на меня неожиданно радостных чувств.

Остальные сказки дались мне не так-то легко, хотя всякая из них зародилась во мне в минуты моего «возвращения в детство». Но эти минуты бывали так коротки, что дарили мне лишь несколько строк. Остальные приходилось добывать долгим и упрямым трудом, неизменно радостным, но тяжким.

Здесь на смену вдохновению к писателю должна приходиться другая, столь же драгоценная сила, без которой ему нельзя обойтись.

Но об этом на дальнейших страницах,

II. История моего «Айболита»

1.

Что же мне было делать, когда, окрылив меня на недолгое время, внезапно прекращался тот нервный подъем, который некогда именовали вдохновением, и у меня не оставалось надежды, что он снова вернется ко мне?

Так произошло, например, с моей сказкой о целителе зверей Айболите, которую с давнего времени я хотел написать. Вдохновение нахлынуло на меня на Кавказе — в высшей степени нелепо и некстати — во время купания в море. Я залпы довольно далеко, и вдруг под наваждением солнца, горячего ветра и черноморской волны у меня сами собою сложились слова:

О, если я утону,
Если пойду я ко дну...
и т. д.

Голышом побежал я по каменистому берегу и, спрятавшись за ближайшей скалой, стал мокрыми руками записывать стихотворные строки на мокрой папиросной коробке, валявшейся тут же, у самой воды, и сразу в какой-нибудь час набросал строк двадцать или больше.

Ни начала, ни конца у сказки не было.

На первых страницах нужно было рассказать о зверях, приходивших к любимому доктору, и о болезнях, от которых он вылечил их. И тут — уже по возвращении домой, в Ленинград, — начались мои долгие поиски подлинно поэтических строк. Не мог же я снова надеяться на слепую удачу, на праздничный взлет вдохновения. Мне поневоле пришлось выжимать из себя необходимые строки кропотливым, упорным трудом. Мне нужны были четыре стиха, и ради них я исписал мелким почерком две школьные тетрадки.

Тетрадки, случайно уцелевшие у меня до сих пор, заполнены такими двустушиями:

Первое:

И пришла к Айболиту коза:
«У меня заболели глаза!»

Второе:

И пришла к Айболиту лисица:
«Ой, болит у меня поясница».

Третье:

Прилетела к нему сова:
«Ой, болит у меня голова».

Четвертое:

И влетела к нему канарейка:
«У меня исцарапана шейка».

Пятое:

И влетела к нему чечотка:
«У меня, говорит, чихотка».

Шестое:

Прилетела к нему куропатка:
«У меня, говорит, лихорадка».

Седьмое:

И припелся к нему утконос:
«У меня, говорит, понос».

И восьмое, и десятое, и сотое — все были в таком же роде. Нельзя сказать, чтобы они никуда не годились. Каждое было аккуратно сработано и, казалось бы, могло благополучно войти в мою сказку.

И все же я чувствовал к ним омерзение. Мне было стыдно, что бедная моя голова производит такие пустышки. Механически срифмовать наименование больного с обозначением болезни, которая терзает его, — слишком легкий, ремесленный труд, доступный любому писателю. А я добивался живого образа, живой интонации и ненавидел банальные строки, которые — без всякого участия сердца — выводило мое скучное перо.

После того, как у бегемота оказалась икота, а у носорога — изжога, а кобра пожаловалась у меня на свои заболевшие ребра (которых, кстати сказать, у нее никогда не бывало), а кит на менингит, а мартишка на одышку, а пес на склероз, я в отчаянии попытался прибегнуть к более сложным синтаксическим формам:

А жирафы так охрипли,
Опасаясь, не грипп ли.

Рифма «охрипли» и «грипп ли» была и нова, и свежа, но никаким самым затейливым рифмам не спасти плоховатых стихов. В погоне за щегольскими созвучиями я, в конце концов, дописался до таких пустопорожних куплетов:

Прилетели трясогузки
И запели по-французски:
«Ах, у нашего младенца —
Инфлуэнца».

Этот стих показался еще хуже других. Нужно было выбросить его вон из души и упрямо продолжать свои поиски. На эти поиски ушло дня четыре — не меньше. Зато какое ощутил я безмерное счастье, когда на пятый день, после многих попыток, измучивших меня своей бесплодностью, у меня, наконец, вышло:

И пришла к Айболиту лиса:
«Ой, меня укусила оса!»

И пришел к Айболиту барбос:
«Меня курица клюнула в нос!»

Эти двустушия — я почувствовал сразу — крепче и насыщеннее всех предыдущих. Тогда это чувство было у меня безотчетным, но нынче мне думается, что я понимаю его, — если не вполне, то отчасти: ведь по сравнению со всеми предыдущими строчками здесь, в этих новых стихах, удвоено количество зрительных образов и значительно усилена динамичность рассказа — оба качества, столь привлекательные для детского разума. Это последнее качество внешне выражено избытком глаголов: не только «пришла», но также «укусила» и «клюнула».

К. И. ЧУКОВСКИЙ с правнучкой Мариной. Август 1968 г.

Фото М. ШАСКОЛЬСКОЙ

А главное: в каждом из них есть обидчик и есть обиженный. Жертва зла, которой необходимо помочь.

Жажда защиты обиженного — драгоценнейшее человеческое чувство, так легко воспринимаемое детской душой, впервые наметилось здесь, в этих простеньких, незамысловатых двустушиях, и они сразу определили собою всю тему.

Эти двустушия я добыл ценою многодневных трудов, о которых я нисколько не жалею, ибо, если бы я не прошел через долгую полосу неудач, я никогда не пришел бы к удаче.

2.

Нет, при создании детских стихов рассчитывать на вдохновение нельзя.

Оно дало мне «Муху-Цокотуху», «Чудо-дерево», первую часть «Крокодила», две страницы «Федорины горя», но в большинстве случаев тот радостный нервный подъем, при котором пишется необыкновенно легко, словно под чью-то диктовку, длился у меня не так уж долго — чаще всего десять — пятнадцать минут. В течение этих коротких мгновений удавалось занести на бумагу лишь малую долю стихотворного текста, после чего начинались бесконечные поиски определенной, ясной образности, чеканной синтаксической структуры и наиболее сильной динамики.

На днях я перелистал свои старые рукописи и, вчитываясь в них, убедился, что максимально четкая фразеология сказки получалась у меня лишь после того, как я сочинял предварительно такое множество слабых стихов, что хватило бы на несколько сказок.

После того, как в моих тетрадях скапливались сотни разнокалиберных строк, предстояло отобрать пятьдесят или сорок наиболее соответствующих стилю и замыслу сказки. Между ними происходила, так сказать, борьба за существование, причем выживали сильнейшие, а прочие бесславно погибали.

Если бы я вздумал напечатать ко всеобщему сведению плохавые строки, написанные мною в первом черновике «Мойдодыра», я думаю, даже бумага, предназначенная для их напечатания, и та покраснела бы от стыда и обиды.

Вот наиболее благообразные из этих постыдно-беспомощных строк, изображающих бегство вещей от ненавистного им мальчугана:

Панталоны, как вороны,
Улетели на балкон,
Воротитесь, панталоны,
Мне нельзя без панталон!

Вялые вирши с поддельной динамикой! К тому же чопорное словцо *панталоны* давно уже вытеснено в живом языке *брюками*, *штанами* и т. д.

Нисколько не лучше и вторая строфа:

Ранец, ранец, где мой ранец!
Милый ранец, погоди!
Что же ты пустился в танец!
Погоди, не уходи!

Рифма «танец» и «ранец» слишком дешевая рифма, да и не такая уж это беда для ленивого школьника — утрата ранца с учебными книжками. Я зачеркнул весь куплет и заменил его таким же убогим двустушием:

И коробочка со стула,
Словно бабочка, вспорхнула!

И эти нищенски бедные строки были с тем же презрением отвергнуты мною, так как, во-первых, они лишены каких бы то ни было интонаций и жестов, а во-вторых, что же это за такие коробоч-

ки, которые хранятся на стульях у детских кроватей?

Много бумаги мне пришлось исписать, прежде чем я отыскал окончательный вариант первых строк:

Одеяло
Убежало.
Улетела простыня.
И подушка,
Как лягушка,
Ускакала от меня.

Первое слово *одеяло* привлекло меня тем, что в нем на две согласных приходится целых четыре гласных. Это и обеспечивает слову наибольшее благозвучие. В строке «улетела простыня» — оба слова объединены звуком *т*, который и способствует их экспрессивности, а последние три строки точно так же приобрели достоверность благодаря пятикратному ка: *подушка*, *лягушка*, как, *ускакала*, передающему прерывистое движение предмета.

В той же рукописи есть вариант, пытающийся изобразить возвращение вещей после их примирения с героем:

А за ними и калоши,
Так и хлопают в ладоши (!)
И играют на ходу
С башмаками в чехарду.

Эти вирши словно специально затем и придуманы, чтобы тотчас же быть уничтоженными.

Даже из «Мухи-Цокотухи», написанной что называется с маху, по вдохновению, экспромтом, без черновиков, набело, и то при отсылке в печать пришлось выбросить такие, казалось бы, складные строки о насекомых, пирующих на именинах у мухи:

Гости важные, мохнатые,
Полосатые, усатые,
За столом сидят,
Пироги едят,
Сладкою малиною закусывают.

Сами по себе эти строки не хуже других, но при окончательном чтении я вдруг обнаружил, что без них очень легко обойтись, и, конечно, это сразу лишило их права на дальнейшую литературную жизнь.

Такому же ostrакизму подверглись при окончательном чтении строки:

Муха рада и гостям и подарочкам.
Каждого поклонами встречает.
Каждого блинами угощает.

Ибо эти строки, опять-таки при всем своем благообразии, оказались совершенно излишними.

Конечно, для такой классификации несметного числа вариантов, для отбора наиболее добротных стихов из груды неудачных и посредственных, нужен искусственный и опытный вкус. Вкус, беспощадно бракующий даже такие стихи, которые по своему внешнему виду производят впечатление вполне доброкачественных.

Вкус я считаю наиболее сильным оружием в арсенале каждого художника. Читая рукописи начинающих авторов и книги современных поэтов — даже даровитых и признанных, — можно легко убедиться, что талантливых людей гораздо больше, чем людей, обладающих вкусом.

Наряду с отличными стихами, — сколько рыхлых, тусклых, скоропелых, неряшливых! И как часто они губят весь текст, сводя на нет отдельные удачи. Читаешь — и кажется, будто перед тобой черновик, и хочется вычеркнуть слабые строки, коим надлежало бы умереть до рождения.

Такое словесное разгильдяйство, неряшество, обесценивающее книги для взрослых, кажется мне тяжким преступлением, когда оно проявляется в книгах, предназначенных для малых детей. Здесь мы не вправе небрежничать. Здесь нам приходится делать всю ставку на долгое труженичество и на требовательный безжалостный вкус, готовый отметить все сомнительное, шаткое-валяное, рожденное ленивою, робкою или хаотически-смутною мыслью.

Но спросят: каким же образом я, начинающий автор, мог воспитать в себе этот разборчивый вкус? Где тот педагог, который научил меня отделять литературную пшеницу от плевел?

В том-то и дело, что я не был начинающим автором, когда стал писать свои детские сказки. Писать их смолоду я, конечно, не мог бы. Для этого мне не хватало культуры, не хватало самого элементарного вкуса. Поэзия для детей такой трудный, сложный, художественно ответственный жанр, что к овладению им мне нужно было готовиться долгие годы. Первую свою детскую книгу я написал уже в зрелом возрасте, после того как больше пятнадцати лет проработал в качестве профессионального критика и приобрел кое-какие необходимые навыки для оценки литературных явлений.

И кроме того, к этому времени я уже открыл для себя великое животворное чудо искусства: русский гениальный фольклор. Книги Снегирева, Киреевского, Рыбникова, Гильфердинга, Афанасьева, Барсова, Шеина давно уже стали моими настольными книгами. Они приобщили меня к народной эстетике и дали мне надежные основы здорового, нормативного вкуса².

Но этого мало. Словно предчувствуя, что мне суждено сделать сочинителем детских стихов, я еще в годы своего пребывания в Англии буквально влюбился в старинные народные песенки для английских детей, в так называемые «Нэрсери раймз», впоследствии виртуозно переведенные на русский язык С. Я. Маршаком. Их буйная фантастика своей дерзкой причудливостью очаровала меня навсегда, и я пристально изучил их поэтику, их древнюю и новую историю.

Я уже не говорю о том океане стихов, который окружал меня с юности. Издавна я полюбил услаждать себя чтением Державина, Пушкина, Некрасова, Баратынского, Полонского, Фета, а впоследствии Кольриджа, Китса, Роберта Браунинга, раннего Суинберна. Это чтение было для меня (и по сей час остается) одной из моих сильнейших потребностей. Вряд ли без этого усвоения «взрослой» поэзии я мог бы написать хоть строку моих «Мойдодыров» и «Мух-Цокотух».

Но и этим не ограничилось мое ученичество. Мне выпал завидный жребий быть смиренно-восторженным слушателем лирических стихов и поэм в авторском чтении Блока, Ахматовой, Бунина, Маяковского, Кузмина, Иннокентия Анненского. Думаю, что здесь была для меня немаловажная школа литературного вкуса.

Словом, для того, чтобы на тридцать пятом году жизни взять перо и написать

² Любование изучением родной фольклористики впоследствии дало мне возможность написать два научных исследования: «Лепные нелепицы» (в книге «От двух до пяти») и «Некрасов и фольклор» (в книге «Мастерство Некрасова»).

Иллюстрация В. СУТЕЕВА к сказке К. ЧУКОВСКОГО «Айболит»

первую строку своего «Крокодила», я должен был очень долго учиться, изживать свое бескультурье, невежество.

Не забудем также, что по милости великодушный судьбы мне посчастливилось прожить чуть не всю жизнь в непрерывном дружеском общении со своими и чужими детьми. Без досконального знания их психики, их мышления, их читательских требований я едва ли мог бы отыскать верную дорогу к их сердцам.

Конечно, дорог этих много, и моя — не единственная. Своей дороги я никому не навязываю. Но я глубоко уверен, что тот никогда не создаст сколько-нибудь прочных поэтических ценностей, кому недоступны (а порой и неведомы) мудрые традиции родной и всемирной культуры.

3.

Но пора вернуться к «Айболиту». Вначале я написал его чуть не второе длиннее и уже хотел было отправить в редакцию — когда мой грозный и деспотический вкус вдруг запротестовал против этих, казалось бы, прочно сколоченных строк и потребовал немедленного их удаления.

Я сопротивлялся, как мог, но, в конце концов, был вынужден подчиниться ему и вычеркнуть из сказки такой, например, эпизод:

И пришел к нему печальный мотылек:
«Я на свечке себе крылышко обжег,
Помоги мне, помоги мне, Айболит,
Мое раненое крылышко болит!»

Добрый доктор на больного поглядел
И больного, как родного, пожалел.
«Не печалься, мотылек!
Ты ложись на бочок:
Я пришью тебе другое,

Шелковое, голубое,
Новое,
Хорошее
Крылышко».

Взял он шелку
Да иголку.
Раз, два и готово,
Вот и вылечил больного!

Засмеялся мотылек
И помчался на лужок.
И летает под березами
С бабочками и стрекозами.

А веселый Айболит
Из окна ему кричит:
«Ладно, ладно, веселись,
Только свечки берегись!»

Сам по себе этот отрывок был несколько не хуже других, сохраняемых мною в тексте, но я счел нужным удалить его прочь, чтобы не затянуть экспозиции и возможно скорее перейти к основному сюжету: к самоотверженному подвигу доктора, который, забыв о себе, думает лишь о спасении страждущих.

О, если я не дойду,
Если в пути пропаду,
Что станется с ними, с больными,
С моими зверями лесными!

Здесь пафос всей сказки — в героическом путешествии доктора, который из сострадания к больным мужественно преодолевает преграды, встающие у него на пути. Эту тему о самоотверженном подвиге необходимо было развернуть перед малолетним читателем тотчас же, не утомляя его внимания картинками, изображающими мирную врачебную практику доктора. Нужно было сжать экспозицию до крайних пределов, ради чего я и выбросил из первоначального текста весь эпизод с мотыльком, которому доктор прилаживает новые крылышки. Но так как уничтожить эти стихи было жалко, я перенес их в прозаиче-

скую сказку о зверином целителе, которую написал «по Гюю Лофтингу», и там они отлично прижились³.

Вслед за этим эпизодом пришлось удалить и другой — о лечении ослепшей козы:

Вот коза очки надела
И в окошко поглядела:
«Вижу, вижу я капусту, и морковку,
и салат!

То-то радость, то-то сладость
для меня и для козлят!»

Вслед за этим рассказом был выброшен такой же рассказ о медицинском совете, с которым доктор обратился к слонихе:

Принимай-ка ты касторку
Через час по ведерку
И четырнадцать мешков
Проглоти-ка порошков.

Были и еще пациенты. Воробышек, которого укусила змея. Кукушонок с подбитым крылом. Хромые белки. Слепые утята. Их всех до одного пришлось выбросить из первоначального текста, дабы скорее перейти к героической теме.

Все эти примеры я привожу для того, чтобы читателю стало ясно, какую огромную роль в нашей трудной и ответственной работе над стихами для малых детей играет эстетический вкус. Вкус контролирует и композицию стихов, и их звукопись, и систему их образов. Он с беспощадной суровостью вытравляет из каждого текста не только бесцветное, шаблонное, хилое, но даже удачное, если этим удачным замедляется повествовательный темп.

Ибо, отрешаясь от взрослости, детский поэт не может не сохранять при себе всех своих культурных богатств. Грош цена его «возвращениям в детство», если он не запаса заранее доскональным знанием родной и зарубежной словесности и не проникся ее могучей эстетикой. Если этого нет, ему суждено остаться дилетантом. Прочных поэтических ценностей он никогда не создаст, так как подлинное мастерство невозможно без высокой культуры. Самое сильное дарование бессильно, если оно не руководится взыскательным вкусом, который дает художнику лишь после долгого общения с творчеством его гениальных предшественников.

Никогда я не устану повторять, что по своим литературным достоинствам стихи для детей должны стоять на той же высоте, на какой стоят стихи для взрослых. «Не может быть такого положения, — писал я лет тридцать назад, — при котором плохие стихи были бы хороши для детей». «Качество детских стихов нужно измерять теми же критериями, какими измеряются литературные качества всех прочих стихов»⁴.

Здесь мы, писатели, не должны давать себе ни малейшей поблажки, ибо непрощаемым грехом представляется мне пичканье детей плохой литературой, грозящее на всю жизнь испортить и опозлить их вкус.

³ У Лофтинга этот целитель именуется доктор Дулиттл. Перерабатывая его милую сказку для русских детей, я окрестил Дулиттла Айболитом и вообще внес в свою переработку десятки реалий, которых нет в подлиннике. Антагонист Айболита назван у меня Бармалеем (речь идет о прозаической сказке «Приключения доктора Айболита»).

⁴ См. «Заповеди для детских поэтов» в моей книге «От двух до пяти».

(Окончание следует)

**МОЖЕТ
БЫТЬ,
КТО-НИБУДЬ
ЧТО-НИБУДЬ
ЗНАЕТ...**

Наше издательство готовит и выпуску сборник рассказов о моряках, участниках боев за Донбасс в годы гражданской и Великой Отечественной войн. Много ратных подвигов совершила морская пехота. Зимой 1941 года войска 76-й отдельной морской бригады Южного фронта под командованием капитана первого ранга Б. Н. АПОСТОЛИ преградили дорогу фашистским танкам, рвавшимся на Кавказ. В 1943 году с беззаветной храбростью шли на штурм вражеской обороны моряки-тихоокеанцы, сражавшиеся в рядах

3-й и 49-й гвардейских стрелковых дивизий.

Обращаемся ко всем бывшим воинам 76-й бригады, к ветеранам 3-й и 49-й дивизий: откликнитесь, расскажите о том, как вы воевали, о своих боевых товарищах!

В. КОНЫШЕВ

г. ДОНЕЦК гсп.
пр. В. Хмельницкого, 32.
Издательство «Донбасс»
отдел общественно-политической литературы

**РАЗЫСКИВАЕМ ТЕХ,
КТО ЗНАЛ:**

1. **МОЕГО БРАТА** — капитана Николая Константиновича МИХАЙЛОВА, 1908 года рождения. Последний адрес: полевая почта 55499. Последнее известие о нем датировано 8 августа 1941 года.

МИХАЙЛОВ Иван Константинович
ЛЕНИНГРАД,
пр. Ф. Энгельса, 39, кв. 27

2. **МОЕГО ОТЦА** — политука особого отдела 1071-го стрелкового полка 311-й стрелковой дивизии Александра Евдокимовича РОМАЩЕНКО, 1914 года рождения. Погиб 15 ноября 1941 года.

МАЛИНА Н. А.

ОМСК 46,
ул. Куйбышева, 131, кв. 11

3. **МОЕГО МУЖА** — Ивана Владимировича ГОЛДЕНКОВА, 1897 года рождения. Дата последнего письма — 14 декабря 1942 года (полевая почта 2260, часть 490). В том же месяце был ранен и отправлен в госпиталь. Дальнейшая судьба мужа не известна.

ГОЛДЕНКОВА П. И.

СВЕРДЛОВСКИЙ К-64,
ул. Мира, 3-Г, кв. 26

4. **МОЕГО ОТЦА** — капитана Семена Дмитриевича НАЗАРОВА, 1896 года рождения. Воевал в 161-м стрелковом полку. Погиб 30 ноября 1941 года.

НАЗАРОВА Анна Семеновна

Ставропольский край,
Кочубеевский р-н, с. КОЧУБЕЕВСКОЕ,
ул. Советская, 86

5. **МОЕГО БРАТА** — Степана Яковлевича ДАНЬШИНА, 1921 года рождения. Его последний адрес: полевая почта 1535, часть 15-Ф. Последнее письмо получено в ноябре 1942 года.

ДАНЬШИНА Анастасия Яковлевна
УССР, г. НИКОЛАЕВ (обл.),
ул. Р. Люксембург, 23, кв. 13

6. **МОИХ ФРОНТОВЫХ ТОВАРИЩЕЙ** по 860-му стрелковому полку 283-й стрелковой дивизии: Аркадия ТРЕТЬЯКА, 1922 года рождения, Владимира БОГДАНОВА, 1925 года рождения, старшего лейтенанта Аркадия ШЕЙКИНА, 1923 года рождения. Пути наши разо-

шлись в феврале 1945 года во время боев в Восточной Пруссии.

БЫКОВ Алексей Михайлович
Свердловская обл., ст. БАЖЕНОВО,
ул. Строителей, 7, кв. 4

7. **МОЕГО ОТЦА** — младшего политрука Сергея Иосифовича ОЛЕЙНИКА, 1922 года рождения. Последнее письмо с обратным адресом — ппс 871, п. я. 28, литер 08, получено из-под г. Вязьмы 16 сентября 1941 года.

ОЛЕЙНИК Александр Сергеевич
г. ЖДАНОВ 17,
ул. Днепропетровская, 10

8. **МОИХ БОЕВЫХ ТОВАРИЩЕЙ**, бойцов 52-го стрелкового полка 18-й гвардейской Сибирской дивизии, участвовавших в форсировании реки Неман 17 июля 1944 года. Во время этого боя я был ранен и отправлен в госпиталь. Больше с однополчанами мне встретиться не довелось.

ЛОПАТИН Алексей Дмитриевич
Магаданская обл., Иультинский р-н,
п. ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ

9. **МОЕГО ОТЦА** — младшего лейтенанта, командира роты 338-го стрелкового полка Александра Васильевича ПЕТИНА, 1914 года рождения. Воевал на Юго-Западном фронте. Последнее известие об отце помечено сентябрем 1941 года.

ПЕТИН Анатолий Александрович
БАКУ 60,
ул. Оранжевая, 11, кв. 20